

Гора Юйцзин возвышалась над всеми восемью сторонами света, а у её вершины раскинулись Небеса Дало. В тех краях росло великое множество чудесных деревьев семи сокровищ; крона одного лишь древа могла укрыть весь небосвод, отчего эти выси и звались Небесами Дало.

Над тремя мирами, в безбрежной вышине Дало, покоились пятицветные истоки бытия, укутанные громоздящимися облаками.

Бай Фэнцзин сидел под сенью одного из таких древ. На нём были белоснежные одежды, резко контрастировавшие с темными, как ночь, волосами. Он обладал тонкими бровями и разрезом глаз, плавно устремлявшимся к вискам, а лицо его хранило абсолютное, ледяное спокойствие.

Впрочем, на всех Небесах Дало не нашлось бы никого, кто действительно знал его истинный лик, ведь он являлся их единовластным и великим владыкой.

Перед ним лежала необычная шахматная доска — казалось, он коротал вечность в ожидании гостя.

Вскоре прямо перед ним из пустоты соткался силуэт мужчины в зелёных одеяниях. Гость бесцеремонно опустился напротив и лениво двинул одну из фигур.

Не проронив ни слова, они начали партию.

Эта доска разительно отличалась от обычных. Помимо центрального поля, она имела ещё два уровня — верхний и нижний. Самый нижний ярус буквально кишел мелкими фигурами, на среднем их было поменьше, а на верхнем покоилось лишь несколько исполинских камней. Каждый ход здесь требовал колоссальных вычислений, и игрокам приходилось долго раздумывать, прежде чем сдвинуть хотя бы один из них.

Мужчина в зелёном нарушил молчание:

— Как дела на континенте Цяньюань?

— Без изменений, — отозвался Бай Фэнцзин.

— А на континенте Цзючжоу?

— Без изменений.

— Что насчет континента Чжэньюань?

— Без изменений.

С каждым ответом лицо гостя мрачнело всё сильнее. Он недовольно проворчал:

— Неужели нет ни единой забавы...

Раздосадованный скукой, он сделал резкий ход. Стоило фигуре опуститься на новое поле, как на самом нижнем ярусе доски вспыхнула золотоносная, но разрушительная война. Полчища мелких камней в мгновение ока обратились в прах, а отголоски этой бойни докатились и до среднего уровня. Равновесие пошатнулось, увлекая расстановку сил в хаос непредсказуемости.

Только тогда гость слегка поумерил пыл. Словно вспомнив о чём-то незначительном, он небрежно бросил:

— А что на континенте Цяньюань?

Бай Фэнцзин на мгновение замер.

— Не определено.

Мужчина в зелёном изумленно округлил глаза и залиvisto расхохотался:

— Выходит, исход нашей партии всё ещё под вопросом!

Бай Фэнцзин опустил взор.

— На континенте Цяньюань возникла аномалия.

— Аномалия? — прищурился его собеседник. — Неужели кто-то способен разрушить то, что ты выстраивал десятки тысяч лет?

Для Бай Фэнцзина, достигшего стадии Великого Бессмертного Дало, даже тысячи лет пролетали как единый миг. Его указательный палец мягко коснулся белой фигуры на нижнем ярусе.

— Некоторое время назад крупца моей души соскользнула на континент Цяньюань. Теперь она переродилась, но её следы затерялись.

Собеседник опешил:

— Даже тебе это неведомо?

— Пути небес неисповедимы, — Бай Фэнцзин небрежно взмахнул широким рукавом. — Не важно. Продолжим игру.

Байли Фэн понуро шёл за отцом в глубь главного зала. Золотое сияние отделки и горы драгоценных камней, громоздившиеся вдоль стен, нещадно слепили глаза.

— Отец, зачем ты меня сюда притащил? Чего тебе надо?

— Паршивец, тебе ведь нравится этот Цзян Сяочжоу, верно? — без обиняков выдал глава секты.

Байли Фэн едва не подпрыгнул на месте:

— Что за чушь ты несешь?! Он же... Чжоу Ци...

— И что с того, что его любит Чжоу Ци? Кого ты пытаешься обмануть? От тебя за версту разит этим зудом взросления, я его через два хребта почую, — отец усмехнулся, глядя на него пронизательным взором. — Наш род устроен просто: мы обретаем зрелость лишь тогда, когда встречаем истинную любовь. За три года помолвки с Чжоу Ци ты и пальцем не пошевелил, чтобы повзрослеть. Не думаешь же ты, что внезапно вспылал к нему страстью? Стоило тебе привести этого Цзян Сяочжоу, как мне всё сразу стало ясно.

Глава секты тяжело вздохнул:

— Я ведь думал, что раз ты вечно тянешься к сильным воинам, то союз с паршивцем Чжоу Ци придётся тебе по душе. Потому и сосватал вас. Кто же знал, что всё так обернётся...

Байли Фэн, запинаясь, попытался оправдаться:

— Да ничего я такого не думал!.. Просто хотел помочь ему, и всё...

Отец смерил его лукавым взглядом:

— Ну и кем же ты решишь стать, когда наконец повзрослеешь? Самцом или самочкой?

В памяти Байли Фэна мгновенно всплыли когда-то услышанные слова Цзян Сяочжоу: «Мне нравятся только мужчины».

— Самцом! — выпалил он, прежде чем успел подумать.

— Вот как? Столько лет жил девчонкой, и вдруг приспичило сменить пол? — поддел его отец.
— Помнится, Чжоу Ци было плевать, кто ты. Значит, дело точно не в нём. Ах ты шельма, и после этого будешь уверять, будто ничего такого не замышлял?

Байли Фэн понял, что старик его банально развёл, и яростно уставился на него.

— Зелен ты ещё, сопляк, — самодовольно ухмыльнулся глава. — Учись у отца, пока я жив. Когда я волочился за твоей матерью, у меня конкурентов не было — всех затмил своей статью!

Байли Фэн скользнул взглядом по его дремучей бороде, угловатым скулам и могучей фигуре, после чего молча и с трудом кивнул.

— Да, и ещё кое-что. Зверь Цзян Сяочжоу — вовсе не златогривый белый волк, — небрежно обронил отец. — Вы с Лэчи оба слепы как кроты. Мне хватило одного взгляда, чтобы это понять.

Байли Фэн изумился:

— Как так? Если это не златогривый волк, то кто же? Я столько времени возился с ним, он выглядит в точности как они!

— Порода духовного зверя определяется не шкурой, а его духовной сутью и дыханием. Это создание, скорее всего, принадлежит к какому-то древнему, первородному виду. К какому именно — пока не скажу, слишком мало времени я за ним наблюдал. Послезавтра, когда подготовим всё для ритуала связи, присмотрюсь получше.

— Древний... первородный зверь? — пробормотал ошарашенный Байли Фэн.

«Так значит, капустой в этой истории оказался именно я!»

Два дня спустя

Едва рассвет забрезжил на горизонте, Байли Фэн уже стучал в дверь к Цзян Сяочжоу. Тот давно не спал. Он вышел на порог, бережно прижимая к себе Сяобая, и в его лице сквозило явное волнение.

— Не переживай, всё пройдёт гладко, — мягко подбодрил его Байли Фэн.

Сегодня на нём было строгое, приталенное одеяние мужского кроя. Лишь сейчас Цзян Сяочжоу по-настоящему заметил, насколько утончённой и андрогинной была красота его друга.

— Прости, что доставляю столько хлопот вашей семье.

— Перестань церемониться, — недовольно поморщился Байли Фэн. — Мы друзья, и помогать тебе для меня естественный долг.

Цзян Сяочжоу мягко улыбнулся. Байли Фэн взял его за руку:

— Пошли. Отец ждёт в главном зале.

Место проведения ритуала обустроили в уединённых покоях позади главного зала. Глава секты уже ждал их там.

Пол комнаты занимал самый сложный магический узор. Стоило Цзян Сяочжоу коснуться его своим духовным взором, как голова пошла кругом, а разум захлестнуло ощущение, будто он погружается в бездонную пучину океана.

Глава секты вовремя подал голос, возвращая юношу к реальности:

— Сяочжоу, положи Сяобая в самый центр круга.

Кивнув, Цзян Сяочжоу с благодарностью посмотрел на старшего и бережно устроил питомца на пересечении светящихся линий.

«А у паршивца губа не дура, отхватил же такого красавца. Только вот парень этот хорош собой, словно резная яшма, — за таким набегаешься. Тяжело сынку придётся. Сын, держись!»

Глава секты одарил Байли Фэна сочувствующим, подбадривающим взглядом, безмолвно призывая держать марку.

Байли Фэн лишь недоумённо приподнял бровь и закатил глаза. Повернувшись к другу, он серьёзно произнёс:

— Для заключения кровного союза требуется искреннее согласие обеих сторон. Если в ком-то из вас шевельнётся хоть капля сомнения или страха, печать разветётся. Поговори с ним сначала. Духовные звери чутки к помыслам, он поймёт.

— Хорошо.

Цзян Сяочжоу опустился на колени рядом с волчонок. Магический круг у них под ногами затеплился мягким алым светом. Сяобай лежал смирно, преданно и с абсолютным доверием глядя на хозяина. Он чуть пошевелился и доверчиво устроил голову на коленях юноши.

Цзян Сяочжоу замялся, подбирая слова.

Десять лет их совместной жизни пронесли перед мысленным взором. Он вспомнил тот день, когда фея Лэчи преподнесла ему этот невероятный подарок, вспомнил тепло и уют долгих лет заботы, детскую радость и удивление зверька, едва выбравшегося из скорлупы, а затем — внезапную болезнь, принёсшую столько боли и страха...

Разве нужны были слова там, где души и так говорили на одном языке?

— Сяобай, ты согласен связать свою жизнь с моей неразрывными узами?

Волчонок лишь приподнял голову, заглядывая ему в лицо влажными глазами — казалось, он совершенно не улавливал сути вопроса. Цзян Сяочжоу грустно усмехнулся: каким бы смышлённым ни был зверь, вряд ли он способен понять человеческую речь.

Но мгновение спустя в его разуме соткался тихий, совсем детский голосок:

«Кровные узы... Это как?»

Юноша мягко и терпеливо мысленно ответил:

«Это значит, что отныне мы разделим одну судьбу на двоих. Станем самыми близкими существами в мире. И что бы ни случилось, как бы ни менялись наши силы и сколько бы лет нам ни было отмерено, мы всегда будем неразлучны»

Волчонок медленно прикрыл глаза.

«Тогда... я согласен»

Цзян Сяочжоу поднялся и шагнул за пределы светящихся линий. К нему подошёл Байли Фэн и протянул нефритовый свиток.

— Тебе нужно зачитать это заклинание. Рисунок на полу отзовётся на твой голос. Мы с отцом станем непрерывно подпитывать круг своей духовной силой. Постарайся прочесть всё до того, как наши резервы иссякнут.

Цзян Сяочжоу про себя подивился: ладно Байли Фэн, но ведь его отец — могущественный

глава секты! Неужели обычное чтение договора способно истощить его бездонные запасы духовной энергии?

Но стоило ему направить разум в нефритовый свиток, как у него перехватило дыхание.

«Что это за безумие?!»

Слова, записанные внутри, по сложности построения и зубодробительности произношения превосходили даже сутры Сердца Духа. На фоне этого древнего текста его прежние духовные практики казались детским лепетом. Объём заклинания был колоссальным — от одного взгляда на бесконечные ряды иероглифов голова шла кругом.

— Изначально этот обряд создавали ради того, чтобы рассеивать проклятия крови... Тот, кто начертал эти строки, был истинным гением, — с гордостью пояснил Байли Фэн. — Секрет этого союза принадлежит лишь нашему клану. Но помни: чтение отнимет у тебя прорву сил. Я разложил вокруг камни духа высшего качества — если почувствуешь, что угасаешь, сразу тяни энергию из них.

Сердце Цзян Сяочжоу затопила искренняя благодарность. Забота друга тронула его до глубины души.

— Огненное зеркало ловит искру, но без солнца нет тепла. Чаша собирает росу, но без луны нет влаги. Великие начала Инь и Ян бесконечно далеки друг от друга, но в незримом слиянии порождают жизнь... — полился тихий, размеренный голос Цзян Сяочжоу.

Стоило первым слогам сорваться с его губ, как алые сполохи на полу взметнулись ввысь, заставив воздух задрожать.

Байли Фэн и его отец сели друг напротив друга, направляя непрерывные потоки духовной силы в узлы формации. В багровом сиянии шерсть Сяобая пошла мягкими волнами, а его глаза вспыхнули чистым, как драгоценный рубин, алым блеском.

—... Тем паче плоть и дух, кои сокрыты в груди. Слияние стихий вторит движению светил, вода и пламень скрепляют уговор...

Цзян Сяочжоу понимал, какой непосильной ношей ложится этот ритуал на плечи отца и сына, поэтому торопился изо всех сил. Но если начало далось ему относительно легко, то к середине строки стали совсем непостижимыми. Подсознательно он активировал сутру Сердца Духа — чистая энергия заструилась по меридианам, проясняя разум и удерживая сознание на плаву.

С каждым произнесённым словом связь между ним и волчонком крепла. Отголоски чужих чувств — страха, преданности и боли — начали проникать в его существо. Одновременно с этим Цзян Сяочжоу почувствовал, как стремительно тают его собственные силы. Магический

круг нещадно высасывал его духовную энергию.

Чем неразрывнее становилась их ментальная связь, тем сильнее слабело тело юноши. Его культивация таяла на глазах: уровень Слияния сменился стадией Раскрытия Света, затем скатился до Начальной Концентрации Ци и наконец замер на самой грани, едва удерживаясь на пике Очищения Ци.

— Небо и Земля — свидетели, союз скреплён! — выдохнул он последнюю фразу.

Нефритовый свиток с глухим стуком выскользнул из ослабевших пальцев. Цзян Сяочжоу зажмурился, борясь с разрывающей виски головной болью и ощущением удушья. Ноги подкосились.

Байли Фэн мгновенно рванулся вперёд, подхватывая падающего друга под руки.

— Получилось?.. — едва слышно прошептал Цзян Сяочжоу.

— Всё позади, — с нежностью и нескрываемой гордостью ответил Байли Фэн. — Ты справился, Сяочжоу! Просто невероятно!

Лицо юноши было блее мела. Как только союз замкнулся, проклятие крови, терзавшее Сяобая, разделилось надвое, и добрая половина этой жгучей муки хлынула в меридианы Цзян Сяочжоу. Опустошённое тело, лишившееся почти всей накопленной силы, стонало от невыносимой ломоты. Сознание уплывало, маня благословенным забытьем.

Ему безумно хотелось провалиться в глубокий сон.

Но в этот миг в его мыслях раздался чужой, холодный и отстранённый голос:

«Кто... ты такой?»

Цзян Сяочжоу резко распахнул глаза.

Сяобай стоял на полузагасшем узоре формации и смотрел прямо на него. Глаза волчонка заволочло злобей багровой дымкой, и лишь по самому краю радужки тлел тонкий, едва заметный ободок тусклого золота.